

Ю. С. МАСЛОВ

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ*

§ 1. На протяжении двух последних десятилетий проблемы морфологической структуры глагольных словоформ славянских языков вновь привлекают к себе внимание исследователей. Разработка этих проблем идет сейчас как в описательно-аналитическом, так и в генеративно-синтетическом плане. В первом случае лингвист, по выражению А. В. Исаченко, опирается «на формы, наблюдаемые в тексте», во втором случае реально существующие формы интерпретируются как результат ряда трансформаций, проделанных по определенным правилам над «цепочками абстрактных морфем» (Исаченко/183)¹. На наш взгляд, оба подхода органически дополняют друг друга. Во всяком случае, порождение реальных форм, их синтез был бы, разумеется, просто невозможен без предварительного (хотя бы и остающегося «за кадром») анализа. Что касается нижеследующих строк, то в них вопросы морфологии славянского глагола рассматриваются в описательно-аналитическом плане на материале современных литературных славянских языков.

§ 2. Каждая глагольная словоформа в славянских языках нормально входит в два перекрещивающихся ряда: а) ряд разноименных словоформ одного глагола, например, *пишу, пишешь, пишет, буду писать* и т. д. — этот ряд, исходя из привычного размещения форм в записанной парадигме, условимся называть «вертикальным» и б) ряд одноименных словоформ разных глаголов, например, *пишу, читаю, терплю, ем* и т. д. — этот ряд назовем «горизонтальным». При сопоставлении в обоих рядах (иногда даже только в одном из них) каждая словоформа членится на две части, или «теммы» (др.-гр. *τμήμα* 'часть') — формообразовательную основу²

* Доклад к VI Международному съезду славистов в Праге.

¹ Ссылки на работы, упоминаемые более одного раза, даются в следующем порядке: фамилия автора, затем, если нужно, сокращенно год выхода работы («64» вместо «1964») и после косой черты (или в скобках, если вся ссылка не заключена в скобки) страница или страницы. Полные библиографические данные приведены в списке в конце статьи.

² Термин «формообразовательная основа» (чеш. «tvarotvorný kmen»), или «формообразующая основа» встречается у М. Докулила (М. D o k u l i l. Tvoření slov v češtině, I. Praha, 1962, s. 58), а специально его обосновывает В. И. Кодухов (В. И. К о д у х о в. О формообразующей основе. — Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. Герцена, т. 248, 1963, стр. 41—49). Хотя соответствующее понятие фактически широко (правда, не всегда достаточно строго) используется в практике лингвистического анализа, термин пока распространен мало. Показательно, что его нет, например, в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой (М., 1966).

и форматив³. В данной статье рассматриваются только синтетические формы и соответственно формообразовательные основы и формативы только синтетических форм.

§ 3. В результате дальнейших сопоставлений с формами, частично подобными по звучанию и значению, как в составе формообразовательной основы, так и в составе форматива могут быть выделены их «конечные составляющие» — морфемы. В каждой теме может содержаться несколько морфем или только одна морфема. По характеру своего экспонента эти морфемы могут быть положительными или нулевыми, причем в составе форматива может вовсе не быть положительных морфем (нулевой форматив, например, в русских формах *режь, сох*), а в состав основы должна входить минимум одна положительная сегментная морфема — корень⁴.

Нас будут интересовать здесь только грамматические морфемы, морфемы, связанные со словоизменением глаголов в рамках традиционной парадигмы (т. е. без учета видообразования) и с морфологической классификацией глаголов (разделением на конъюгационные классы и подклассы). Морфемы эти выступают передатчиками или участвуют (вместе с соседними морфемами) в передаче понятийно-грамматической и чисто служебной, формальной информации. Так, окончание *-т'* в укр. *лежить* указывает на 3 л. ед. ч. и (вместе с предшествующим *-и-*) на непршедшее время и изъявительное наклонение (понятийно-грамматическая информация), а попутно (также вместе с предшествующим *-и-*) на то, что данный глагол принадлежит к определенному парадигматическому классу, так называемому «второму спряжению», так как в «первом спряжении» (в его невозвратных формах) в соответствующей строке парадигмы выступает другое окончание — нуль: *пише* (служебная, или «формально-классифицирующая», или «парадигматическая» информация). Есть в славянском глаголе и такие элементы, функция которых полностью или почти полностью исчерпывается передачей формально-классифицирующей информации.

§ 4. Понятия формообразовательной основы и форматива строго сопоставительны и, вместе с тем, подвижны, текучи. В составе многих глагольных словоформ есть элементы, которые могут быть отнесены либо к основе, либо к формативу, в зависимости от избранной точки зрения. Пока не уточнен морфемный статус этих элементов, мы будем называть их не морфемами, а «промежуточными элементами» (ПрЭ) и будем обозначать их не вполне морфологическими терминами — «характерные гласные» и «характерные согласные» парадигматических классов и разрядов (ХГ и ХС). Например, в рус. *дуешь* мы имеем ХС *-j-* и ХГ *-э-*. Все ПрЭ а) различаются в одноименных формах или группах форм в зависимости от класса или разряда, к которому принадлежит глагол (ср. русские инфинитивы на *-ать, -ить, -еть, -нуть, -оть* и без ХГ перед показателем инфинитива), и, вместе с тем, б) нередко различаются в разных группах форм одного и того же глагола (*рвать*, но *рвешь, рвут*, а также и *рвите*). По свойству «а» ПрЭ должны быть отнесены к основам как своего рода классификаторы основ⁵, по свойству «б» — скорее к формативам как показатели определенных грамматических категорий. Некоторые авторы (например, Трубец-

³ Формативы синтетических форм нередко просто называют «окончаниями» (в случае явной неодноморфемности форматива говорят о «сложных окончаниях») Р. Якобсон (155) и А. В. Исаченко (187) используют в этом значении термин «desinence» (в английском тексте), Ч. Бидвел (64/533) говорит об «inflectional elements».

⁴ В редчайших случаях этой единственной положительной морфемой является не корень, а (берущий на себя функцию корня) префикс, например, в сербских диалектных формах *doše* (вм. *dodoše*), *ne pol* (вм. *ne podoh*, см. Маретич/285), в болгарской архаической форме инфинитива (с нулевым формативом) *oa* (от *olida*) и т. д.

⁵ Ср. у А. В. Исаченко (186) понятие «verbal classifiers».

кой/14—15, Токарски/150, Конески/153, Халле 113—114) выделяют поэтому в составе тех или иных глагольных словоформ совершенно отдельный, третий компонент, не принадлежащий ни основе, ни формативу. Нам представляется все же более целесообразным исходить во всех случаях из двухчастной структуры, но оперировать несколькими разными понятиями формообразовательной основы и форматива.

§ 5. На базе учета всех словоформ одного глагола в рамках традиционной парадигмы, т. е. в пределах одного вида⁶, так или иначе выделяется их «единая основа», точнее — их общая формообразовательная основа (ОФО), единая для всех этих форм⁷. На базе учета какого-то меньшего количества словоформ вертикального ряда, объединенных в семантическом или же в чисто формальном отношении, может быть выделена та или иная парциальная (частичная) основа (ПО), например, в болгарских формах *ходех, ходеше, ходехме, ходехте, ходеха, ходел, ходела, ходело, ходели* — основа имперфекта *хóде-*. Для славянского спряжения издавна используется и действительно чрезвычайно существенно понятие «двух основ» или, как мы назовем их, двух главных парциальных основ (ГПО). Одну из них обычно именуют «презентной», «основой настоящего времени» и т. п., а мы условимся называть «первой» (I ГПО), другую же обозначают разными терминами применительно к разным славянским языкам (иногда и применительно к одному языку), а мы будем называть «второй» (II ГПО).

§ 6. Соответственно различиям при выделении основ по-разному могут быть выделены и формативы. Так, в рус. *пиши, пишите* можно выделить императивную ПО *пиши-* и «минимальные», одноморфемные формативы — нуль в единственном числе и *-т'э* (орфогр. *-те*) во множественном, но можно стать на другую точку зрения и считать, что формы императива образованы непосредственно от I ГПО *пиш-* с помощью двухморфемных формативов *-и* + нуль и *-и* + *т'э*. То минимальные, то максимальные формативы выделяют в личных формах презенса, например для чешского языка:

	минимальные формативы ⁸	максимальные формативы ⁹
1 л. ед. ч.	<i>-и, -i</i> или <i>-т</i>	<i>-и</i> или <i>-i -ím -ám</i>
2 л.	<i>-š</i>	<i>-eš -iš -áš</i>
3 л.	отсутствие окончания	<i>-e -i -á</i>
1 л. мн. ч.	<i>-те</i> или <i>-т</i>	<i>-em (e) -íme -áme</i>
2 л.	<i>-те</i>	<i>-ete -íte -áte</i>
3 л.	<i>-ou</i> или <i>-i</i>	<i>-ou</i> или <i>-i-i</i> или <i>-ejí -ají</i> (<i>ějí</i>)

Некоторые авторы выделяют формативы еще большей протяженности (так сказать, «сверхмаксимальные»), включающие и ХС, стоящий перед ХГ. Так, Т. Маретич (248) членил на основу и форматив сербско-хорватские формы *čij-jēm, čij-jěš* и т. д., а Э. Паулини (16) выделяет в словацких формах *kurijem, stojím* трехморфемные формативы *-j-e-m* и *-j-i-m*.

§ 7. При отождествлении основ и формативов соответственно в вертикальных и горизонтальных рядах, как и при отождествлении составляю-

⁶ По традиционным представлениям парадигма одного глагола всегда (кроме, пожалуй, случаев «двуви́дности» типа рус. *ранить*) охватывает формы только одного вида. Словоформы, относящиеся к разным видам (например, *подпишу* и *подписываю*), считаются, как известно, формами двух разных глаголов, и вопрос о выделении формообразовательной основы, общей таким разновидовым формам, вообще не возникает.

⁷ Единая ОФО не может быть выделена только в случаях внутриви́довой супплетивности, вроде *иду* — *шел*. Разумеется, термин ОФО применим не только в сфере глагола. Так, у русского существительного *поваренок* в качестве ОФО выделяется отрезок *повар'-*, противостоящий основе ед. ч. *поварен(о)к-* (где *-о-* в скобках обозначает «беглое») и основе мн. ч. *поварят-*.

⁸ См. Фр. Т р а в н и ч е к. Грамматика чешского литературного языка, ч. 1. Перевод А. Г. Широковой. М., 1950, стр. 383—384.

⁹ См. В. Н а в р а н е к, А. Ј е д л и ч к а. Česká mluvnice. Praha, 1951, s. 123.

щих их морфем, возникает проблема границ варьирования всех этих единиц. Вопрос о пороге семантического варьирования (т. е. о границах между полисемией и омонимией) мы оставляем в данном случае в стороне. Экспонентное варьирование целесообразно принимать в той мере, в какой наличествует не только тождество функций («омосемия») и отношения дополнительной дистрибуции, но и определенная связь в плане выражения, обычно проявляющаяся, по крайней мере — в отношении грамматических морфем, в закономерных чередованиях фонем, в частности — и в чередованиях с нулем. Если в плане выражения никакой связи между экспонентами нет, целесообразнее — при тождестве функций — говорить не о вариантах одной единицы, одного инварианта, т. е. не об алломорфемах или алловариантах основ и формативов, а о разных, хотя и синонимичных, единицах¹⁰.

Приведем пример. Окончание *-у* в рус. *иду* и *-м* в *ем*, несмотря на их полную «омосемию», — разные, только синонимичные морфемы (и формативы), так как в других морфемах русского языка не встречается регулярное фонемное чередование *у ~ м*¹¹. Окончания же *-и* и *-и* в чеш. *nesu*, *kryji* — алломорфемы одного окончания, так как в языке представлено чередование *и ~ i* (ср. в других морфемах: дат. ед. *městu* — *moři*, вин. ед. *ženu* — *práci* и т. д.).

Аналогичным образом и среди ПО одного глагола следует различать «варианты основ» и «автономные основы». Варианты выводятся применением понятия чередований из других основ как их закономерные фонологические или морфонологически обусловленные видоизменения. Так, в рус. *клад*, *класть* мы имеем, по отсечении формативов, *-л* и *-т'* соответственно, — варианты основы, в которых выступают регулярные исторические чередования *д ~ нуль* перед *л* и *д ~ с'* перед *т'*. Вариант основы, отличаясь по своему фонемному составу от других вариантов и от «исходного вида» (исходного варианта) той же основы (в нашем примере *клад-*), не отличается от них по своему морфемному составу (в нашем примере все варианты состоят из одного корня). Напротив, автономные относительно друг друга основы являются фонологически или морфонологически несводимыми: они невыводимы одна из другой с помощью понятия чередования и, очевидно, отличаются от других автономных основ, в том числе и от своих непосредственных производящих, именно морфемным составом. Так, в болгарском языке ПО имперфекта, например, *ходе-* является автономной: фонологически или морфонологически она невыводима ни из какой другой основы, а морфологически производна от I ГПО и отличается от нее тем, что имеет в своем составе специфический суффикс имперфекта, выступающий здесь в виде *-е-*.

§ 8. Синтетические формы славянского спряжения целесообразно сгруппировать так, как показано в табл. 1. В левом столбце приводятся общепонятные (в значительной мере традиционные) названия отдельных форм и групп форм, а правее — объединяющие условные обозначения для более широких групп форм в порядке все большего обобщения слева направо.

¹⁰ Понятие синонимии морфем как явления, отличного от экспонентного варьирования морфем, соответствует традициям русского и вообще европейского языкознания. Как известно, в американской дескриптивной лингвистике эти понятия, напротив, обычно не разграничиваются. Во всех случаях, когда наличествуют функциональное тождество (порой даже неабсолютное!) и отношения дополнительной дистрибуции, дескриптивисты склонны говорить об «алломорфах одной морфемы». Так, Ч. Бидвэл (64/535) трактует как алломорфы морфемы 2 л. ед. ч. сербско-хорватские окончания *-š* (в презенсе), нуль (в императиве и аористе) и *-е* (в имперфекте).

¹¹ Связь между, скажем, *дуть* и *надменный* для современного языка вряд ли актуальна. Впрочем, ситуация не является существенно иной и в языках, сохранивших формы вроде укр. *дуу* (при инф. *дути*): все равно такие формы находятся в положении одиночных, нерегулярных образований.

Таблица 1

Группировка синтетических форм славянского спряжения

Презенс 2,3 л. ед.; 1, 2 л. мн.; дв. ч.	центральные*	} личнопрезентные формы	} формы первой группы
1 л. ед. ч.	} маргинальные*		
3 л. мн. ч.			
Активное презентное причастие и деепричастие	нелично-презентные формы		
Пассивное презентное причастие	непрезентные формы I гр.		
Императив			
<hr/>			
Аорист	} формы аористной (или второй-А) группы	} формы второй группы	
<i>l</i> -причастие аориста и восходящие к нему формы			
<i>v/s</i> -причастие и деепричастие . .			
Инфинитив	} формы инфинитивной (или второй-Б) группы		
Суфин			
<hr/>			
Имперфект	} формы имперфектной группы		
Причастие имперфекта			
<hr/>			
<i>n/l</i> -причастие	} формы <i>n/l</i> -группы		
«процессное» существительное			

* Термины «центральные» и «маргинальные» формы основаны на чисто внешней ассоциации: при обычном расположении образцов спряжения в грамматических справочниках «маргинальные» формы начинают и заканчивают собой парадигму презенса, а «центральные» находятся «внутри» ее.

Маргинальные личнопрезентные формы, вполне аналогичные по структуре и по вокализму (по своему ХГ) центральным (аналогически уподобившиеся им), мы будем называть «унифицированными по вертикали». Таковы формы 1 л. ед. ч. в ряде западнославянских и южнославянских языков, например, словацк. *nesiem, robím, volám* (ср. 2 л. *nesieš, robíš, voláš*), польск. *czytam, umiem* (ср. *czytasz, umiesz*), болг. *викам* (ср. *викаш*), а в некоторых языках и формы 3 л. мн. ч., например, словенск. *nesejo, gorijo, dela jo* (ср. 1 л. мн. ч. *nesemo, gorimo, delamo*), болг. *викам*. Унифицированным формам противостоят неунифицированные, например, 1 л. ед. и 3 л. мн. ч. в восточнославянских языках, ср. рус. *несу, несут, горю, горят* (при *несешь, горишь*). Можно говорить также о маргинальных формах, «унифицированных по горизонтали», т. е. получивших одинаковое оформление в нескольких параллельных типах спряжения, например, 1 л. ед. ч. в македонском: *предам, носам, викам* (ср. 2 л. *предеш, носиш, викаш*).

§ 9. Парадигматические классы глаголов, выделяемые в славянских языках на основании различий в образовании в первую очередь презентных форм, условимся называть конъюгационными классами (спряжениями), а те, которые выделяются с учетом образования форм второй группы, — разрядами. В табл. 2 указаны общие названия главных конъюгационных классов, принятые в дальнейшем изложении.

Термины «общеславянские» и «необщеславянские» спряжения должны пониматься вне диахронических ассоциаций (т. е. не в смысле «праславянские» и «непраславянские»), а исключительно в синхронно-сопоставительном плане (т. е. в смысле «общие всем современным славянским языкам» и «общие не всем современным славянским языкам»). Термин «стяженное спряжение», хотя он окрашен диахронически (как и термин «унифицированные» формы в § 8), кажется удобным и вполне «безопасным»: не думаю, чтоб он в какой-то мере помешал рассмотрению вопросов в чисто синхроническом плане.

Таблица 2

Главные конъюгационные классы славянских языков*

1. Рус. <i>несу, таяну, читаю</i> чеш. <i>nesu, kryji</i> серб.-хорв. <i>trěšēti</i> и т. д.	}	общеславянское I, или <i>e</i> -спряжение	}	общеславян- ские спря- жения
2. Белор. <i>хаджэ, віджэ</i> чеш. <i>trpím, prosím</i> словенск. <i>vidim</i> и т. д.				
3. Словацк. <i>ro'ám... ro'ajú</i> н.-луж. <i>žětam... žětajú</i> болг. <i>викам</i> и т. д.	}	стяженное <i>a</i> -спряжение	}	стяженные (необщесла- вянские) спряжения
4. Польск. <i>umiem... umięję</i> чеш. <i>umím... uměji</i> серб.-хорв. <i>umět</i> и т. д.				

* Кроме главных конъюгационных классов, существуют еще другие, в частности, разного рода смешанные и промежуточные группы (рус. *хочешь — хотим*, в.-луж. *syrap — syrjež* и т. п.) и пенитегрированные остатки общеславянского атематического спряжения (рус. *ем, дам, маед. сым, си* и т. д.).

§ 10. Большинство спорных проблем, возникающих при изучении морфологической структуры славянского глагола, так или иначе связано с кратко охарактеризованными выше (§ 4) промежуточными элементами — ХГ и ХС. От различий в трактовке ПрЭ зависят в конечном счете и различия в трактовке парциальных основ и различия в принципах выделения и реальном содержании понятия «единой основы», общей для всех форм одного глагола (в традиционных рамках одного вида). Поэтому именно на рассмотрении ПрЭ мы и сосредоточим сейчас наше внимание.

§ 11. Условимся различать следующие типы ПрЭ.

А. В общеславянских спряжениях:

1. ХГ центральных (и унифицированных по вертикали маргинальных) форм презенса, или тематические гласные (ТГ) например, рус. *-о-* (орфогр. *-ě-*) в *видёшь, -и-* в *носишь, едим*; ТГ представлены и в некоторых неличных формах, например, *носимый*; ТГ отсутствуют в атематических формах (*ем, ешь, ест*).

2. ХГ прочих презентных форм, или «эквиваленты тематических гласных» (ЭТГ) — в неунифицированных по вертикали презентных формах, личных и неличных, например, рус. *-у-* в *идут, идущий, -а-* в *слышат, слышащий, -о-* (без предшествующей мягкости согласного) в *несомый*; нулевой ЭТГ можно выделять в формах вроде *иду, ношу, идя, слыша*.

3. ХГ форм второй группы, или «ХГ разрядов» (ХГР), например, рус. *-а-* в *рвал, рвать, -и-* в *носил, носить, -у-* в *гнул, гнуть*, серб.-хорв. *-о-* в *рекоћ, -е-* в *рёбе*, нулевой ХГР в *рёкла*; ХГР обычно представлены и в формах *n/t*-группы (ср. рус. *порванный, согнутый*)¹².

4. ХС *-j-* и *-n-* (рус. *n ~ n'*), представленные не во всех группах форм традиционной парадигмы¹³, например в рус. *знаешь, знают, знаю* (но *знал, знать*); *станешь, станут, стану* (но *стал, стать*); *согнешь, согнут, согну* и *согнуть* (но *сох, сохла, сохший*).

¹² В некоторых разрядах в формах *n/t*-группы представлен не ХГР, а ТГ (рус. *пройденный, украденный*; болг. *бръснене, биене, песне* — при *бръсят* с ХГР *-а-* и *бит*, *пян* вообще без ХГ) или особый ХГ (в рус. *прикрепленный, вымошенный*), который можно рассматривать как ЭТГ или как эквивалент ХГР (поскольку и в качестве ТГ и в качестве ХГР у соответствующих глаголов выступает другой гласный — *-и-*).

¹³ Иногда наравне с этими ХС рассматривают также *-v-*, *-d-* (в *живу, буду*) и т. п., но в синхронии современного языка, пожалуй, правильнее включать такие согласные в состав корня в качестве элемента, чередующегося с нулем.

Б. В стяженных спряжениях:

5. ХГ стяженных спряжений (ХГСт), например, *-ā-* в чеш. *dělám*, *-a-* в *dělají*, *dělal*, *dělali*, *-e-* в *dělej*; *-e-* в польск. *umiem*, *umieć*, *-a-* в *umiąć*; *-a-* в болг. *викам*, *викай*, *виках* и т. д.

6. ХС *-j-*, следующий за ХГСт в формах, не подвергшихся стяжению, например, словацк. *volajú*, *volaj*, *volajúc*.

§ 12. Условимся далее, что не подлежат включению в число ПрЭ (хотя иногда их трактуют наравне с ПрЭ) следующие элементы глагольных словоформ:

1. Любые элементы (кроме ХГСт), проходящие вовсе без изменений или же с изменениями, укладываемыми в рамки регулярных чередований, через все формы традиционной парадигмы, например, рус. *-a-* в *мечтаешь*, *мечтают*, *мечтать*; *-и- ~ -н'-* в *махнешь* — *махнут*, *махнуть*; словенск. *-u- ~ -ov-* в *darujem* — *darovati* и т. п. Такого рода элементы не имеют отношения к парадигматике глагола, а являются чисто словообразовательными суффиксами (ср. приведенные примеры), либо суффиксами имперфективации (словенск. *kupovati* рядом с *kupiti* сов. в.), либо, наконец, частью корня (например, *-a-* в рус. *знать*).

2. Гласные, характеризующие формы императива, например, рус. *-и-* в *рви*, *носи*, и сегменты, занимающие позицию ХГ в имперфектной группе форм общеславянского спряжения, например, *-e-* в макед. *носеv*, *-ija-* в серб.-хорв. *plèti jah*. Эти элементы являются носителями довольно четкой семантической функции; во всяком случае, функция показателя категории решительно превалирует в них над функцией классификатора основ, что для ПрЭ, по-видимому, не является типичным.

3. Гласные, занимающие позицию ХГ в составе форм, последовательно унифицированных по горизонтали, например, *-a-* в макед. *предам*, *носам*, *викам*; очевидно, такого рода гласные лишены классифицирующей функции и стали частью морфемы — окончания.

§ 13. Приступая к определению морфемного статуса ПрЭ, мы прежде всего должны рассмотреть вопрос об их функциях.

Явно имея в виду ПрЭ, А. В. Исаченко (183) писал: «Нелегко, а часто и вовсе невозможно найти объективные критерии выделения морфем, так как многим отрезкам, вычленимым по формальным основаниям, нельзя приписать какое-то определенное „значение“». Я. Горецки (44) именно потому, что промежуточным элементам «невозможно приписать какую-либо сему», вообще отказывает им в статусе морфемы. Он относит ХГ к «тематическим морфам», а ХС *-j-* в словацк. *pracujem*, *vracajú*, *kupuj*, *volaj* к «интерфигированным морфам» (*interfigované morfy* — Горецки/68), причем «морфа» понимается как «часть словоформы, остающаяся по выделении всех морфем, но не соотношенная с какими-либо элементами значения» (там же/183), т. е. как «empty morph» в терминологии многих дескриптивистов. Н. С. Трубецкой (14) не исключал ХГ, например, *-o-* в *несёшь*, *-a-* в *спать* (там же/19), из числа морфем, но видел в них морфемы особого рода — «Verbindungs-morpheme», морфологическая функция которых «состоит только в соединении основы и окончания». Таким же образом и в концепции Э. Паулини (15—16) всякий ПрЭ, кроме ХГСт, рассматривается как «srojo-vacia morféma».

С другой стороны, в литературе были высказаны мнения о наличии у тех или иных ПрЭ вполне определенных семантических, понятийно-грамматических функций, функций показателей некоторых категорий. Так, Р. Якобсон (158) считал, что в русском спряжении ТГ и ЭТГ являются показателями времени, а в формах 3 л. также и показателями числа, поскольку собственно окончание *-т* совпадает здесь для обоих чисел (ср. *пьет* : *пьют*, *хранит* : *хранят*). «Суффиксами времени» считает ТГ польского язы-

ка Фр. Гладнэй (57). Ф. Пап (62 / 137) в русских глаголах типа *читаю* называет *-j-* «суффиксом настоящего времени», а для глаголов других типов говорит соответственно о нулевом суффиксе. Несколько иначе подходит к вопросу Ч. Бидвэл. Он отмечает семантические контрасты между ХГ отдельных спряжений, в частности, «контрасты по виду» между *-a-* и другими ХГ в польск. *wypijać : wypić, rzucić : rzucić, powiadać : powiedzieć* (Бидвэл 60 86), между *ā* и другими ХГ в серб.-хорв. *ûpījām : ûpījēm, bācām : bācim* (64/536); контрасты «повторительности/неповторительности» в польск. *nosić : nieść* и переходности/непереходности в серб.-хорв. *béleti : béleti* (соответственно там же).

Представляется, что по отношению к ПрЭ, выступающим только в презентных формах (личных и неличных), в какой-то мере справедливо говорить о понятийно-грамматической функции: эти ПрЭ, именно ТГ и ЭТГ, очевидно, причастны к выражению «семемы презентности» (в самом абстрактном и широком смысле, охватывающем также то значение одновременности другому событию, которое свойственно презентным причастиям и деепричастиям, и то значение «непрошедшего», которое реализуется в будущем времени совершенного вида). Вместе с тем не менее очевидно, что ТГ и ЭТГ выражают «семему презентности» отнюдь не монополично, а, по крайней мере, совместно с последующими минимальными формативами, поскольку эти формативы не повторяются в непрезентных формах и тем самым тоже оказываются специфически презентными (ср. например, в русском языке минимальные формативы 2 л. ед. ч. *-ш, 3 л. ед. ч. -т, форматив активного причастия -щ-*). Можно сказать, что во всех подобных случаях не ПрЭ и не минимальный форматив в отдельности, а только максимальный форматив как целое является показателем «презентности», и это-то обстоятельство служит одним из важных аргументов в пользу выделения здесь максимальных (членимых на морфемы) формативов. С другой стороны, бросается в глаза слабость семантического «наполнения» у противостояния ТГ : ЭТГ (или центральные : маргинальные формы). Функцию различения чисел, отмеченную Р. Якобсоном в формах 3 л., можно приписать этому противостоянию лишь в русском и в меньшей мере в других восточнославянских языках (только во II спряжений и в возвратных формах I спряжения)¹⁴.

Что касается *-j-*, то, как известно, сфера его использования отличается от сферы использования ТГ и ЭТГ: у всех глаголов, имеющих *-j-* в презенсе, он регулярно представлен и в формах императива; вместе с тем у очень многих глаголов *-j-* вообще отсутствует и в презенсе. Поэтому считать его «суффиксом настоящего времени» не кажется правильным. Скорее перед нами элемент, характеризующий I ГПО определенной группы глаголов.

Семантические контрасты, отмеченные Ч. Бидвэлом, не имеют характера всеобщности: отнюдь не во всех случаях ХГСт польск. *-a-*, серб.-хорв. *-ā-* и т. д. являются показателями несовершенного вида (хотя все основы, содержащие суффикс имперфективации, действительно спрягаются по стяженному *a-*спряжению); отнюдь не все глаголы, имеющие ТГ и ХГР *-i-*, являются глаголами ненаправленного движения, как и не все глаголы ненаправленного движения имеют ТГ и ХГР *-i-* (ср. *latać, bie-*

¹⁴ Впрочем, можно себе представить такое описание спряжения ряда славянских языков (например, чешского, словацкого, сербско-хорватского), в котором для 3 л. обоих чисел будет выделяться минимальное окончание пул., а гласный, выступающий в 3 л. мн. ч., будет трактоваться как ЭТГ. Наиболее веским аргументом в пользу подобной трактовки было бы активное причастие (деепричастие) презента, всегда изоморфное в соответствующих языках в отношении своего ХГ (= ЭТГ) форме 3 л. мн. ч. (как это наблюдается и в русском). В этом случае тезис Р. Якобсона о различении чисел в 3 л. с помощью ХГ распространился бы и на названные языки.

gač, ganiac и др.) и т. д. Да Ч. Бидвэл (60/86) и сам признает, что между некоторыми парадигматическими классами глаголов не обнаружено, даже в части случаев, никаких семантических контрастов. В более обобщенной форме можно сказать, что горизонтальные противопоставления в славянском спряжении, противопоставления парадигматических классов и разрядов, как правило, лишены семантического «наполнения». Тем самым ПрЭ выступают как классификаторы глагольной лексики, но классификаторы не семантические, а чисто формальные, как носители парадигматической информации, индикаторы парадигматического класса и подкласса.

Вместе с тем вряд ли стоит приписывать ПрЭ функцию соединительного элемента. О соединительной функции можно говорить в тех случаях, когда *-j-* (или вообще ХС) стоит между основой без ПрЭ, оканчивающейся на гласный, и минимальным формативом, начинающимся с гласного, например, в таких случаях, как *знаю, грею*, чеш. *kryjí, kryjí* и т. д., или когда ХГ занимает аналогичную позицию между согласными (ср. примеры Н. Трубенского: *несешь и спать*). Но рядом с такими примерами достаточно широко представлены и другие, в которых имеем комбинацию нескольких ПрЭ, гласных и согласных (например, ХС + ХГ в *знаешь, греешь, знают, греют*; или ХГ + ХС в чеш. *dělají*; или ХГ + ХС + ХГ в серб.-хорв. *čuvajući*), т. е. с точки зрения соединительной функции наблюдается неоправданная избыточность ПрЭ. Наконец, в ряде случаев ПрЭ попадает в конечную позицию, в положение перед нулевым формативом (например, ТГ в 3 л. ед. ч. в ряде славянских языков, *-j-* в ед. ч. императива), а иногда ХС оказывается в соседстве согласного (*сознаю, читайте*)¹⁵.

Итак, наиболее общей функцией, присущей в той или иной мере всем ПрЭ, является функция формального классификатора, носителя парадигматической информации. Наряду с этим, некоторые ПрЭ, в частности ТГ и ЭТГ, участвуют в выражении грамматических категорий; ХГР, обслуживая семантически очень неоднородную II группу форм, лишены подобной функции так же, как и ХГСт, проходящие (в неизменном виде или с тем или иным фонемным чередованием) через все формы традиционной парадигмы. В определенных морфемных контекстах промежуточным элементам может быть приписана соединительная функция, которая, однако, лишь в редких случаях выступает на передний план.

§ 14. При установлении морфемного статуса ПрЭ существенными являются вопросы их синтагматической делимитации. В литературе нередко встречается объединение в один морфемный сегмент а) тех или иных ПрЭ, соседящих друг с другом, и б) тех или иных ПрЭ — с другими соседними (предшествующими или последующими) элементами в составе словоформ. Приведем примеры.

а) В качестве единого суффикса нередко рассматривают сочетание *-j- + ТГ*, скажем, в словенск. *čujete* (Баец/180); Бидвэл (60/78 и 64/533) в своих таблицах также включает *-j-* в состав тематического гласного.

¹⁵ В формах императива *-j-* можно во всех случаях рассматривать как показатель наклонения, лишь омонимичный ХС *-j-*. Для такого рассмотрения имеются достаточные основания: 1) *-j-* состоит в отношениях четкой, фонетически обусловленной дополнительной дистрибуции и одновременно в отношениях чередования с гласным — показателем императива (рус. *-и-*, болг. *-и-* в ед. ч.; *-е-* во мн. ч. и т. д.), так что гласный и согласный показатели оказываются алломорфемами одной морфемы; 2) в языках, имеющих стяженное спряжение, *-j-* — несомненный показатель императива, так как здесь *-j-* представлен в императиве и у тех глаголов, которые совсем не знают такого ХС в личных формах презенса или же сохраняют его только в одной личной форме — 3 л. мн. ч. Однако исключение форм императива, содержащих *-j-*, из наших рассуждений ничуть не подрывает тезиса о невозможности свести все функции ПрЭ к одной соединительной функции.

б) В качестве единого суффикса рассматривают также *-ne-* в словенск. *sunem*, *-ni-* в словенск. *suniti* (Баец/180, 183). А многие объединяют ТГ, ЭТГ и даже ХГСт с последующим элементом, т. е. собственно окончанием презентной формы, в одну якобы неделимую единицу, в одну морфему (такой подход является, можно сказать, традиционным в грамматиках ряда славянских языков). В более редких случаях в один морфемный сегмент сливают ХГР с показателем *l*-овой формы, ХГР с показателем инфинитива (Пап 62/137).

Все эти и подобные примеры сегментации на морфемы вызывают возражения. Сфера распространения одного из двух объединяемых элементов не совпадает ни по вертикали, ни по горизонтали со сферой распространения другого. Следовательно, естественно считать, что между этими элементами пролегает морфемный шов. Другой альтернативой могло бы быть только признание фонемных чередований (например, *e~i* в словенск. *sunem* — *suniti*), в частности, чередований с нулем (например, в русском языке — чередование *y~ноль* в суффиксе глаголов типа *толкнуть*, при условии невключения в ту же морфему ТГ и ЭТГ). Но к вопросу о чередованиях мы еще вернемся ниже. Пока же целесообразно подчеркнуть принцип максимальной дробности морфемного членения, логически вытекающий из самого определения морфемы как мельчайшей, далее неделимой билатеральной единицы языка ¹⁶.

§ 15. Парадигматической делимитации ПрЭ, т. е. сведению всего многообразия фонологически различных ПрЭ в какое-то меньшее число морфологических единиц — инвариантов, должно предшествовать установление вертикальных (также и горизонтальных) рядов фонологически различных ПрЭ. Вертикальный ряд ПрЭ соответствует отдельной парадигме (мельчайшему парадигматическому подклассу), горизонтальный ряд — одной «типоформе», т. е. ряду одноименных форм всех (в принципе) глаголов данного языка.

Опыт систематического выделения вертикальных рядов ПрЭ был проведен для словацкого языка Я. Горецким (44—46), для польского и сербско-хорватского Ч. Бидвэлом (60 81—88; 64 536—537). Я. Горецки рассматривает каждый вертикальный ряд как одну «морфу» (члены ряда он именует «субморфами»). Естественно, что у него в рамках одной морфологической единицы часто оказывается ТГ и ХГР, заведомо не связанные фонемными чередованиями, например, *-e-* и *-a-* в парадигме *češet* — *česať*, *-ī-* и *-a-* в парадигме *držim* — *držať* и т. д. С такой практикой мы не можем согласиться ¹⁷. Ч. Бидвэл объединяет в одну «тематическую морфему» (thematic vowel morpheme) только такие ХГ вертикального ряда, которые он считает связанными чередованием; конкретно (в работе о польском глаголе) — только 1) *-e-* и *-a-* в парадигме *śmieć*, во II группе форм парадигмы *widzieć* и т. д.; 2) *-e-*, *-o-* и нуль в парадигме *nieść*, в I группе форм парадигмы *pisać*, в части I группы форм и в *n/t*-формах парадигмы *bronić* и т. д. ¹⁸ В остальных случаях Ч. Бидвэл говорит о «ком-

¹⁶ Именно такого, очень дробного морфемного членения придерживался и создатель самого понятия «морфема» — И. А. Бодуэн де Куртене. Ср. пример в его курсе «Введение в языковедение» (5-е изд., Пгр., 1917, стр. 51): *š-t-ō nā-p'is-ā-n-ā p'er-ōm. t-avō n'ē vū-rub'-ā-š tēgar-ōm*.

¹⁷ Впрочем, нужно учесть, что Я. Горецки вообще придерживается необычного употребления терминов, связанных с морфемной структурой: «морфемами» он именует вертикальные ряды морфем в тех или иных рамках, например, в парадигме *nesiem* шестичленный ряд личных окончаний презенса (*-m*, *-š*, нуль, *-me*, *-le*, *-ū*), а то, что обычно называют морфемой, у него называется «субморфемой» (Горецки/41).

¹⁸ «Алломорф» *-e-* Ч. Бидвэл выделяет не только в *nieśiesz* и т. д., но и в *niosę*, *bronie* — [ńos-e-ŋ] и т. д., где одно *ŋ*, т. е. назализованное неслоговое *u*, является окончанием; «алломорф» *-o-* — не только в *niosiony*, *broniony*, но и в *niosą*, *niosąc*, *piszą*, *bronią* — [ńos-o-ŋ], [ńos-o-nc-ŋ] и т. д.

бинации тематических морфем» в одной парадигме (например, о комбинации морфемы *-i-* и морфемы $e \sim o \sim \emptyset$ в парадигме *bronić*), о том, что в ряде типов (например, *pišać, widzieć* и др.) «презентная и инфинитивная основы обнаруживают несходные тематические морфемы» (Бидвэл 60/87).

Подход Ч. Бидвэла представляется нам в принципе более правильным. Бесспорно, *-e-* в *śmieć, śmieć* и *-a-* в *śmiać* связаны между собой чередованием (ср. в других морфемах после мягкого согласного: *biały — bieleć, las — w lesie* и т. д.), следовательно, эти ХГ являются алловариантами одной морфологической единицы. Но ХГ *-i-* в *bronić* и ХГ *-o-* в *broniony* или *-e-* в *piszesz* и *-a-* в *pišać* не состоят в отношениях фонемного чередования и должны, следовательно (несмотря на наличие между ними своего рода дополнительной дистрибуции), рассматриваться как разные морфологические единицы. Вообще можно сказать, что в общеславянских спряжениях чередования между ХГ одного вертикального ряда встречаются лишь в небольшом числе случаев; чаще фонологически различные ХГ (ТГ, ЭТГ и ХГР) являются и морфологически различными, т. е. разными морфемами. Каждая парадигма характеризуется целым набором («гарнитуром» — см. Токарски/ 154) таких морфем. Иное дело — стяженное спряжение. Его основная черта — полная унификация или существенное сближение отдельных ПО и прежде всего двух ГПО. При полной унификации получается вполне единый ХГ для всей парадигмы, например, ХГСт *-a-* в болгарском или в польском (так сказать, «одноместный» или «тавтологический» ряд). При неполной унификации имеем вертикальный ряд, состоящий из нескольких (двух — трех) ХГ, фонемно различных, но связанных бесспорными регулярными чередованиями фонем. Таким образом, на морфемном уровне мы в любой парадигме стяженного спряжения имеем дело с единой для всей данной парадигмы классифицирующей морфемой — показателем спряжения.

Несколько слов нужно сказать о случаях, когда в общеславянских спряжениях ТГ (или ЭТГ) фонемно совпадают с ХГР. Подобные совпадения особенно заметны в глаголах типа *носить* (ср. рус. *носишь* и *носи.*). Нам представляется, что вся система отношений в общеславянском спряжении говорит в пользу трактовки таких совпадающих ХГ как разных морфем, морфем-омонимов¹⁹.

Сходные проблемы встают и при рассмотрении горизонтальных рядов. Например, в русском языке ХГР *-э-* в *видеть, гореть* и ХГР *-а-* в *слышать* состоят в чередовании (ср. в другой морфеме: *сильнейший — крепчайший*) и потому должны считаться алломорфемами одной морфемы, тогда как, скажем, *-э-* в *гореть* и *-и-* в *носить* — несомненно разные морфемы.

§ 16. Дифференцированный подход к разным типам ПрЭ оправдывает себя и при решении вопроса о принадлежности ПрЭ основе или формативу.

В стяженных спряжениях ХГ несомненно принадлежит основе, конкретнее — «единой основе», т. е. ОФО, и должен квалифицироваться как суффикс — видовой (например, в болг. *изплитам* от сов. *изплета, изплетеш*) или словообразовательный (глаголообразующий — например, в болг. *викам* при *вик*, словацк. *rozumieť* при *rozum* и т. д.). ХС *-j-* там, где он сохранился только в императиве и деепричастии, как в болгарском и маке-

¹⁹ Конечно, факт омонимии ТГ и ХГР в типе *носить* (или — подобие чередования между ними в случае различий долготы) ведет к тому, что в некоторых славянских языках *i-*спряжение оказывается в большей мере, чем *e-*спряжение, восприимчивым к унифицирующему влиянию со стороны стяженного спряжения. Ср. в чешском *prosím* (и *trpím*) — как *dělám, umím* (однако в *e-*спряжении *nesu, křuji*); в нижнелужицком в *i-*спряжении имеем в 1 л. ед. ч. презенса только *pšosym, palim* и т. д. — как *žetam*, а в *e-*спряжении — параллельные формы *nasu* и *nasom, huknu* и *huknom* и т. д.

донском, естественно, включается в состав форматива (либо, если угодно, в состав специальной ПО этих форм). В тех языках, где *-j-* представлен несколько шире, в частности и в 3 л. мн. ч., некоторые авторы склонны выделять для соответствующих форм особые ПО, оканчивающиеся на *-j-* (например, для словацкого — Пециар 54/262). Думается, однако, что и в этом случае правильнее включать *-j-* в состав формативов. Кстати, такая трактовка блестяще подтверждается фактом аналогического распространения этого *-j-* по горизонтали: в словенском для всех конъюгационных типов нормальными являются сейчас, как известно, формы 3 л. мн. ч. на *-jo*: не только *delajo*, но и *nesejo*, *gorijo* (наряду с уже архаическими *nesó*, *goré*), даже *kuپیjejo* (с двумя йотами!) и т. д. Развитие в том же направлении наблюдается в верхнелужицком: *njesēja*, *wuknjeja* рядом с более старыми *njesu*, *wuknu*, а также в чешско-моравских говорах.

В общеславянских спряжениях напрашивается включение всех ХГР и ХС в состав соответствующих ГПО (для типа рус. *сознуть* и т. п. вместо II ГПО приходится оперировать II-А и II-Б основой). В отношении же ХГ в I группе форм вопрос остается наиболее спорным. Чем полнее вертикальная унификация форм презенса, тем естественнее включать ТГ в состав презентной основы (например, в словенском); наоборот, при слабости или полном отсутствии вертикальной унификации (в восточнославянских языках, в общеславянских спряжениях болгарского) кажется вполне приемлемым включение ТГ и ЭТГ в состав двухморфемного форматива. Функционально-семантические моменты, отмеченные в § 13, и отсутствие во многих случаях однозначных соответствий между ХГ первой группы и ХГР являются добавочными аргументами в пользу отнесения ХГ первой группы к формативам.

Неодинаковая трактовка ХГ в общеславянских и в стяженных спряжениях проводится уже у Т. Маретича. Ср. членение на основу и форматив в его парадигмах: *tǫn-ēm*, *tǫn-ěš* и т. д., *nǫs-īm*, *nǫs iš* и т. д., но *čûvâ-m*, *čûvâ-š* ... *čûva-ju* (Маретич/255, 262, 267). В наше время такой же подход был предложен для болгарского (Маслов 56/197, 205), польского (Гладный/57), македонского (Усикова/68). Неодинаковая трактовка ТГ и ХГР широко распространена в традиционных грамматиках славянских языков и во многих новейших работах (например, у Якобсона, Исаченко, Халле и др.).

§ 17. Одним из важнейших спорных вопросов славянского спряжения является вопрос об «единой основе» (в рамках традиционной парадигмы).

В старых описаниях применительно к материалу большинства славянских языков вопрос об «единой основе» вообще не ставился, и авторы таких описаний оперировали только парциальными основами. В наши дни против выделения единой основы выступил Шт. Пециар (53/281). Он считает понятие «единой основы» фикцией и рассматривает одни только ПО, прежде всего I и II ГПО, как «реально существующие» образования, как параллельные исторически сложившиеся «разновидности глагольной основы», которые объединены общим значением и общими грамматическими категориями и, так сказать, равноправно представляют данный глагол.

Наряду с этим имеется несколько положительных решений вопроса об «единой основе». Одно из них может считаться, по-видимому, традиционным в грамматике словенского языка, различающей (даже для школьного употребления) понятия «osnova» (равное нашему ПО) и «podstava» — «часть глагола, которая является общей всем формам этого глагола» (Баец/182). Но на деле в ряде конъюгационных типов «podstava» не включает всех элементов, общих для всех форм данного глагола. Так, она не включает ХГСт *-a-*, суффиксов *-n-* и *-u-~ov-* (*-ev-*), хотя в словенском языке каждый из этих элементов наличествует во всех без исклю-

чения формах глаголов соответствующего разряда. Фактически «podstava» сводится либо к производящей основе данного глагола (*del-* от существительного *delo* как «podstava» глагола *delati*), либо к его производящей основе, осложненной фонемным изменением (*plač-* вместо *plat-* от *platiti* как «podstava» для *plačevati*). Можно сказать, что понятие «podstava» унаследовано от той поры, когда словообразование и формообразование не разграничивались еще достаточно четко. К рассмотренному понятию словенских грамматиков близко понятие «базы» (*base*) у Ч. Бидваля, которое, в частности, тоже не включает ХГСт и даже префиксов (Бидваля 60/140 и др.).

Несколько дальше в этом ряду стоит «општ глаголски дел» Бл. Коенского (153). У глаголов общеславянских спряжений македонского языка «општ глаголски дел» действительно охватывает всю их общую, повторяющуюся во всех формах традиционной парадигмы часть, ничего не упуская и не прибавляя. Однако у глаголов стяженного спряжения «општ глаголски дел» не включает ХГСт, несмотря на наличие этого гласного во всех формах (кроме, по-видимому, 1 л. ед. ч. презенса, где *-a-* принадлежит окончанию, см. выше § 12, 3, а ХГСт *-a-*, в порядке чередования, заменен нулем). При условии включения ХГСт в «општ глаголски дел» это понятие полностью совпало бы с нашим понятием видовой основы, сокращенно ВО (Маслов 63/10 — 11, ср. список ВО на стр. 170 и сл.)²⁰.

Применительно к материалу русского языка почти тождественными оказываются наше понятие ВО и понятие «усеченной основы» (УО), выдвинутое Ф. Папом. Расхождение, по существу, наблюдается только в одном пункте: в глаголах типа *рисовать* Пап (63/101) выделяет в качестве УО отрезок *рис-*, тогда как с нашей точки зрения правильнее было бы включить в единую формообразовательную основу и суффикс, отметив для него «заданные изменения», т. е. чередования (в орфографической записи) *ов ~ у* и (для *танцевать* и т. п.) *ев ~ у* (ср. Маслов 63/11 о глаголе *телеграфировать*).

Иными путями идут при решении вопроса о «единой основе» Р. Якобсон, Х. Лант и некоторые их последователи. Если в рассмотренных выше концепциях «единая основа» получается отсечением элементов, не повторяющихся во всех формах традиционной парадигмы (причем иногда, в частности при недостаточном учете чередований, отсекается и лишнее), то у Р. Якобсона, Х. Ланта и некоторых других исследователей в ранг «единой основы» фактически возводится одна из ПО (иногда даже не ГПО), а другие ПО получаются из нее с помощью расширительно толкуемого понятия чередований или даже с помощью формулируемых ад hoc трансформационных правил.

Концепция Х. Ланта сформулирована для македонского языка. В ранг «единой основы» в общеславянских спряжениях возводится I ГПО с включением в нее ТГ, например, *падне-, носи-* (Лант/73). ТГ квалифицируется как «primary stem-vowel». Все ХГР, а также гласные, характеризующие формы имперфекта, деепричастия и другие, поскольку они фонетически совпадают с ТГ, трактуются тоже как «primary stem-vowels» (например, в *паднев, венејки, венење*, и в *износив* и т. д.), а поскольку они фонетически отличаются от ТГ, — как «secondary stem-vowels», состоящие с примарным гласным в отношениях чередования (Лант/68 и 73—76), например, *е~а* (*падне — падна*), *и~е* (*брои — броеше*) и т. п. (там же/15). В формах вроде *чув, чу* имеем «zero stem-vowel». ХС *-j-* (обья-

²⁰ Термин «видовая основа» указывает на функцию: именно ВО является носителем видового значения совершенности/несовершенности.

зательный в македонском, правда, лишь в ограниченном числе форм и парадигм) рассматривается как элемент, автоматически вставляемый по определенным правилам (его морфологический статус не определяется). В стяженном спряжении ХГ трактуется как примарный гласный основы, не подвергающийся чередованиям. В целом описание, данное Х. Лантом, несомненно экономно, компактно и, вероятно, удобно при практическом изучении языка²¹. Однако теоретически неприемлемыми представляются чрезвычайно свободное обращение с понятием чередования, сплошное превращение автономных образований, явно имеющих свои специфические суффиксы, в якобы фонетические варианты исходной основы.

Теоретически значительно интереснее и перспективнее известная концепция Р. Якобсона, сформулированная для русского языка. В отличие от Ланта, Якобсон включает ТГ и ЭТГ в состав двухморфемных форматов презентных форм. Благодаря этому I ГПО у него всегда оканчивается на согласный и у громадного большинства глаголов а) противостоит II ГПО, оканчивающейся гласным, а также б) не равна II ГПО по количеству фонем (оказывается или длиннее на одну фонему, например, у глагола *чита́й-у* — *чита-ть*, или короче на одну фонему, например, у *пиш-у* — *писа-ть*). В ранг «единой основы», в терминологии Якобсона — «полной» («full-stem»), возводится та ГПО, которая является более длинной (например, I ГПО *чита́й-* и II ГПО *писа-*), а в некоторых случаях даже вообще не ГПО, а какая-то иная, еще более длинная ПО (например, у глагола *давать* — основа *давай-*, выступающая в императиве; см. Якобсон/160). Более короткие ПО именуются «усеченными» (truncated stems) и выводятся из «полной» усечением последней фонемы по определенным морфонологическим правилам (truncation), а в некоторых случаях — усечением двух последних фонем (deeper truncation). Для deeper truncation приходится формулировать специальные правила ad hoc, иногда даже (для форм типа *сох*) опирающиеся на семантику, но обыкновенное усечение в основном (кроме форм императива) хорошо укладывается в рамки небольшого числа общих и очень четких механических правил чередования гласного с нулем — перед морфемой, начинающейся гласным, и согласного с нулем — перед морфемой, начинающейся согласным (см. Якобсон/159). Тем самым Р. Якобсону в основном удалось доказать, что во многих конъюгационных разрядах русского языка соотношение I и II ГПО «в сущности представляет собой фонетический параллелизм» (Шенкер/225), или что I и II ГПО являются в этих разрядах вариантами в том смысле, о каком идет речь в § 7. Р. Якобсон не рассматривает вопроса о морфемном статусе и функции ПрЭ, включаемых в состав «полной основы» (ХГР и ХС *-j-*; о *-ну-* в *сознать* и под. говорится как о суффиксе, там же, стр. 160). Очевидно, в соответствующих случаях их нужно признать суффиксами, характеризующими не только данную ГПО, а вообще данный глагол (в традиционных рамках одного вида), т. е. не суффиксами ГПО, а (чередующимися с нулем) суффиксами ОФО. Из важных групп глаголов русского языка, собственно, только одна — глаголы типа *рисовать* — не допускает такой интерпретации, так как в ней обе ГПО характеризуются противопоставленными положительными суффиксами *-j-* и *-а-*, никак не связанными фонемным чередованием.

После появления статьи Р. Якобсона некоторые лингвисты применили его подход, с теми или иными модификациями, к материалу других славянских языков, в частности языков, имеющих стяженное спряжение.

²¹ Впрочем, как правильно отмечает Р. П. Усикова (54), в классификации Ланта «слишком много глаголов попадает в число исключений» (например, все глаголы типа *задржи—задржас*; см. Лант/74).

При этом исходной основой у глаголов стяженных спряжений обычно считали основу, оканчивающуюся на *j* (см., например, Гладнэй/56—57, ван Кампен/280, 281, 289 и др., Исаченко/187, Шенкер/225—229). Представляется, что этот *j* правильнее относить к формативу (см. выше § 16) и в синхроническом описании считать исходной основу на гласный (ср. ван Кампен/288), либо неизменный (в болгарском, в польском *a*-спряжении и т. д.), либо подвергающийся определенным фонемным чередованиям (в чешском, словацком, сербско-хорватском, в польском *ô*-спряжении). Дифференцированная трактовка общеславянских и стяженных спряжений и в данном пункте кажется нам вполне оправданной.

В общем проблема «единой основы» (ОФО) должна найти и, несомненно, найдет свое положительное решение. Мы думаем, что оно будет найдено на путях синтеза концепции ВО и концепции «полной» и «усеченной» основы. Но выработка такого решения — дело будущей работы. Пока же мы стремились лишь выяснить его предпосылки и некоторые общие принципы.

СПИСОК УПОМИНАЕМЫХ РАБОТ²²

- Баец — A. Bajec, R. Kolarič, M. Rupel. Slovenska slovnica. Ljubljana, 1956.
 Бидвел 60 — Ch. E. Bidwell. The Polish Verb. — «General Linguistics», v. IV, № 3, 1960.
 Бидвел 64 — Ch. E. Bidwell. The Serbo-Croatian Verb. — «Language», v. 40, № 4, 1964.
 Гладнэй — F. Y. Gladney. Próba ekonomicznego opisu morfologii czasowników w języku polskim. — «Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego», t. XXII, 1963.
 Горечки — J. Horecký. Morfematická štruktúra slovenčiny. Bratislava, 1964.
 Исаченко — A. V. Isačenko. The Morphology of the Slovak Verb. — «Travaux linguistiques de Prague», 1, 1964.
 Ван Кампен — Дж. ван Кампен. Българското спрежение като проблема на формална и логична езикова икономия. — В кн.: Славянска филология, т. III. София, 1963.
 Конески — Бл. Конески. Граматика на македонскиот литературен јазик, дел II. Скопје, 1954.
 Лант — H. G. Lunt. A Grammar of the Macedonian Literary Language. Skopje, 1952.
 Маретич — T. Maretič. Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1899.
 Маслов 56 — Ю. С. Маслов. Очерк болгарской грамматики. М., 1956.
 Маслов 63 — Ю. С. Маслов. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М. — Л., 1963.
 Пап 62 — Ф. Пап. Морфологическая система глагольных основ в современном русском литературном языке. — «Slavica», II, Debrecen, 1962.
 Пап 63 — Ф. Пап. Классификация русских глаголов. — «Русский язык в школе», 1963, № 4.
 Паулини — E. Pauliny. Slovenské časovanie. Bratislava, 1949.
 Пециар 53 — St. Peciar. Problematika morfologického členenia slovesných tvarov v slovanských jazykoch. — «Slavia», roč. 22, 1953, seš. 2—3.
 Пециар 54 — St. Peciar. O morfologickom členení slovesných tvarov. — «Jazykovedný časopis», roč. 8, č. 4, 1954.
 Токарски — J. Tokarski. Fleksja polska, jej opis w świetle możliwości mechanizacji w urządzeniu przekładowym. IV. Koniugacja. — «Poradnik Językowy», 1962, z. 4.
 Трубенкой — N. Trubetzkoy. Das morphologische System der russischen Sprache. — «Travaux du Cercle linguistique de Prague», V, 2, 1934.
 Трубенкой — N. Trubetzkoy. Das morphologische System der russischen Sprache. «Travaux du Cercle linguistique de Prague», V, 2, 1934.
 Усикова — Р. П. Усикова. Морфология имени существительного и глагола в современном македонском литературном языке. Скопје, 1967.
 Халле — М. Халле. О правилах русского спряжения. American Contributions to the V International Congress of Slavists. The Hague, 1963.
 Шенкер — A. M. Schenker. Kilka uwag o koniugacji w języku polskim. — «Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego», t. XXIV, 1966.
 Якобсон — R. Jakobson. Russian Conjugation. — «Word», v. 4, 1948, № 3.

²² Настоящий список отнюдь не является полной библиографией вопроса.